

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.001

УДК 32

Е.А. ЛОЖКИН

аспирант, младший научный сотрудник,
Институт философии РАН,
Россия, г. Москва
E-mail: e_lozhkin98@rambler.ru

«ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА» П.Я. ЧААДАЕВА КАК ДОКУМЕНТ «СЕВЕРЯНСТВА»

В настоящей статье исследуются особенности взгляда П.Я. Чаадаева на цивилизационное развитие России. Утверждается, что в «Философических письмах» мыслителем была реинтерпретирована преобладавшая в российской политической и философской мысли на протяжении XVIII столетия цивилизационная дихотомия Север/Юг. Чаадаев формулирует и успешно имплементирует дихотомию Запада и Востока, ставшую основополагающей для последующей отечественной интеллектуальной традиции, а также выстраивает противопоставление России и Европы, ставшее общим местом в последовавшей полемике западников и славянофилов. Объединяя понятия Европы и Запада, Азии и Востока, мыслитель связывает и отождествляет цивилизационное пространство России с Севером, изображаемого автором в качестве лишённого самобытной основы и внеположного Западу и Востоку пространства. Вместе с тем, в историософской системе Чаадаева, которую, в противоположность цивилизационному и стадильному концептуальным взглядам, автор статьи именует провиденциалистской, противопоставление России и Европы приобретает не абсолютное, а в религиозном смысле функциональное, временное и преходящее значение в контексте разворачивания истории. Осуществляемая Чаадаевым критика сложившейся в России идентификационной и историко-политической структур реализуется из перспективы самого северянства, а потому является цивилизационной самокритикой или методом поиска возможных оснований исторической роли России.

Ключевые слова: Чаадаев, Россия, политическая философия, идентичность, северянство, цивилизация.

Одними из наиболее интенсивных и дискуссионных тем в истории российской политико-философской мысли являются поиск национальной идентичности и проблематизация культурно-исторического пути России. Наиболее укоренившиеся в отечественной интеллектуальной традиции ответы были даны в первой половине XIX столетия представителями многочисленных интеллектуальных течений, принадлежавших в контексте цивилизационного дискурса к направлениям западничества и самобытничества.

Обращение к проблематике национального самоопределения в XIX столетии естественным образом явилось следствием развития и преодоления некоторой более первичной матрицы самоидентификации, представленной в интеллектуальной традиции прошлого. Историко-географические факторы формирования России определили содержание этой структуры и цивилизационной модели в виде ее принадлежности к Северу.

Обращение к цивилизационной проблематике неизбежно исходило и в значительной степени по-прежнему исходит из географической предпосылки. В этом отношении обращение к «северянству» оказывается изначально обусловленным не универалистским, но партикулярным содержанием: консервативной идеологией, пафосом конкретики. А потому особое значение принадлежит рассмотрению причин и характера кризиса «северянства», вытекающего из осуществленной Петром Яковлевичем Чаадаевым цивилизационной самокритики [10. С. 5-16].

Творчество и личность Чаадаева принадлежат к числу тех немногих исторических моментов, когда развитие мысли находилось на изломе, в процессе трансформации. Как ни одно другое произведение отечественной политико-философской традиции, «Философические письма» являют собой границу двух интеллектуальных эпох: XVIII и XIX столетий, северянства и пришедшей ему на смену во всем многообразии полемики «западников и самобытников». Но именно потому, что граница не является принадлежащей ни к одной из разделяемых частей, взгляды Чаадаева не могут быть последовательно отнесены ни северянству, ни западничеству, ни славянофильству: «...в строгом смысле слова даже среди западников у Чаадаева нет прямых последователей, рассуждавших о России как о субъекте, по существу, несостоявшемся в мировой истории» [7. С. 69]. И потому попытки атрибутирования творчества Чаадаева тому или иному интеллектуальному направлению, равно как и строгое определение его приверженности православию или католицизму, представляются сомнительными: «Мировоззрение Чаадаева – мистицизм чистой воды...но то, что написал Чаадаев, меньше всего есть исповедь и только с натяжкой может быть названо проповедью: это своего рода «Теологико-политический трактат»» [4. С. 92].

Философия и склад личности Чаадаева более иных фигур отечественной мысли соответствуют содержанию «русскости», характеристику которой позднее дал Н.А. Бердяев: «Русский же – апокалиптик или нигилист... Апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все историческое ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу...» [1. С. 260]. В этих словах легко узнается по содержанию религиозно-богословский и одновременно политический взгляд Чаадаева на мировую и российскую историю.

Сознательная противоречивость, контрарность излагаемых мыслителем представлений предопределила векторы развития основных течений российской политической и философской мысли всего XIX столетия. Чаадаев выражает собственную неприменимость к традиции русской мысли и вместе с тем

отрицает сам факт существования этой традиции. Он обозначает, что именно в этом отсутствии традиции может быть развернуто содержание русской мысли, выражено оригинальное значение исторического пути России. Философское основание этому представляется Чаадаеву сопряженным с еще не сущей, не развернутой потенцией, содержащейся в нереализованной истории России.

Два образа «северянства». Развитие российского северянства в его политико-философской составляющей на протяжении второй половины XVIII – начала XIX столетий находилось под определяющим влиянием концепций Ш. Монтескье и И. Гердера. Идеи обозначенных философов интеллектуально оформляли, соответственно, две интерпретации северного положения России.

Один из подходов был призван адаптировать Россию в европейский контекст, обозначить ведущую роль Севера в реализации политических свобод, в процессе просвещения. Согласно представлениям Монтескье, автора концепции географического детерминизма, истоки христианской и гражданской добродетели связаны с самим Севером, т.е. должны произрастать из германо-славяно-финской среды: «В северных странах организм здоровый, крепко сложенный... В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали...» [19. С. 217-218].

В духе политической философии Ш. Монтескье, интерпретация истории России на протяжении второй половины XVIII столетия оказывается неразрывно связанным с ее северным положением, определившим особую цивилизационную и цивилизаторскую роли России в Европе. Север не только сам по себе есть родина свободы, как об этом писал Монтескье: «...у северных народов существует и всегда будет существовать дух независимости и свободы, несвойственный южанам...» [17. С. 417], но он также несет освобождение народам, пребывающим под властью деспотов. В этой связи позиционировалась роль России в многочисленных войнах с Османской империей, приведших к присоединению обширных территорий северного Причерноморья. Этим же контекстом впоследствии интеллектуально оформлялась внешняя политика Александра I, одержавшего победу над «южанином» Наполеоном («...«северный Снегирь» образно противостоит «африканской Гиене», под которой имелась в виду коварная наполеоновская Франция...» [9. С. 190]) и установившего совместно с Великобританией общеевропейскую протекцию Севера над Югом.

Формирование обозначенного направления северянства, приобретшего в России в период правления Екатерины II функцию самоидентификации правящего сословия, происходило в контексте создания истории российского государства [23]. В качестве совершенной просвещенной монархии изображал Россию в переписке с императрицей Вольтер: «Придет время, государыня, – я всегда это говорил – когда всякий свет будет исходить к нам с Севера...» [21. С. 16]. В русле того же подхода северянство находило свое выражение в обширном историко-литературном творчестве [9. С. 187].

Альтернативная схема представляет собой не самобытный подход, а инверсию содержащейся в основании северянства дихотомии цивилизация/варварство. В рамках данного взгляда Россия интерпретировалась как эксклюзивная часть Европы, противопоставленная ее целому, а сформировавшийся в ней культурный тип общества уподоблялся варварскому.

Стараниями путешественников, философов и дипломатов был сформулирован иной миф о России. Совершивший в период царствования Петра III и Екатерины II исследовательскую экспедицию в северо-восточные пределы империи, Ж. де Отрош писал о русском народе: «...они ловчее, хитрее, и подлее всякого другого народа. Они необычайно вороваты. Они не наделены тем мужеством, которое северным народам приписывали некоторые философы, напротив, русские крестьяне невероятно пугливы. Они безнравственны, они более боятся пренебречь Великим Постом, нежели убить ближнего...» [22. Р. 315].

Схожим образом историческую роль России оценивает один из основателей консервативной политической философии. Встретившийся с российской армией в ходе Итальянской кампании времен Александра I Ж. де Местр отмечал: «Вот они, скифы и татары, пришедшие сюда с Северного полюса, чтобы перерезать с французами друг другу горло...» [16. С. 9]. Прошедший Отечественную войну в составе армии «варваров Севера» [5. С. 81] до самого Парижа, Чаадаев подобным образом имел возможность видеть отличия России и Франции.

В эпоху правления Николая I, вскоре после публикации в 1836 г. первого «Философического письма», А. де Кюстин предпринял путешествие в Россию, итогом которого стали знаменитые записки «Россия в 1839 году». Автор последовательно проводит мысль об исходящей из России опасности Европе: «У жителей Севера неверные сердца и обманчивые чувства... созданные для набегов, народы эти призваны лишь к тому, чтобы по воле Господней время от времени покидать полюс и охлаждать народы Юга, палимые огнем светил и жаром страстей» [12. С. 118].

В историко-философском контексте негативным образом влияние северного климата на культуру оценивает Гердер: «Одно Средиземное море - ведь оно определило все лицо Европы! Можно даже прямо сказать, что только оно и послужило мостом, по которому шла и переходила в Европу культура древности, культура Средневековья... Восточное море уступает ему по значению: оно севернее, суровые, жестокие народы живут по его берегам, земли тут неплодородные, скудные, это как бы второстепенная дорога на всемирную ярмарку народов; однако можно сказать, что Восточное море – это окно для всей Северной Европы. Не будь его, и все живущие поблизости народы остались бы варварами, земли прозябали бы в холоде...» [3. С. 33].

«Северянство» и философия Чаадаева. Всякое явление политико-философской мысли, если оно может претендовать на статус сформировавшегося, имеет смысл рассматривать с трех ракурсов: опираясь на его происхождение и первоначальное становление, исследуя в реализованном, кульминационном состоянии или анализируя его в состоянии кризиса, обращаясь к причинам, приведшим

его к гибели. Анализируя явление с каждой из сторон, является возможность его реконструкции, рассмотрения во всей комплексности проблематики.

В отношении феномена северянства, занимавшего в России на протяжении второй половины XVIII столетия первенствующее положение в нарождавшемся идентификационном дискурсе власти, поиск его истоков представляет собой значительное и во многом неисследованное проблемное поле. Более ясным представляется его содержание, выразившееся во взаимосвязи идентификационных и политико-философских мотивов [15. С. 4664-4674]. К числу же наиболее несомненных фактов о северянстве относится ознаменовавшее его фундаментальный кризис событие, определившее контуры будущего развития отечественной политико-философской мысли: знаменитые «Философические письма».

Таким образом, возникают две перспективы, в контексте которых существуют возможности интерпретации мысли Чаадаева. Возможность оценивать творчество Чаадаева сквозь призму зарождавшегося западничества и славянофильства представляется на сегодняшний день по-прежнему магистральной, наиболее изученной, но отнюдь не единственной линией. Значимой альтернативной должна выступить постановка философии Чаадаева в контекст северянства – политико-философской и идентификационной матрицы предшествовавшей его творчеству эпохи.

«Философические письма», первое из которых было опубликовано в 1836 г. в журнале «Телескоп» издателем Н.И. Надеждиным, имели определяющее значение для российской мысли XIX столетия. Специфическая роль произведений Чаадаева заключалась не столько в обогащении политико-философской традиции, сколько в формировании существующего и поныне в видоизмененной форме мифа о противопоставленности, но одновременно особой взаимосвязанности России и Европы. Этому взгляду необходимо предшествовала предпосылка в виде разграничения России и Европы, теоретическое основание которого в дальнейшем явилось одним из оснований полемики западников и славянофилов. Чаадаевым была представлена антиномическая формула, согласно которой Россия являет собой безнадежно отстающее от Европы культурно-политическое пространство, обладающее потенцией преподнести миру нечто чрезвычайно важное.

Будучи основателем цивилизационной проблематики в России, Чаадаев радикальным образом трансформирует классическое для XVIII столетия противопоставления Севера и Юга, конструируя новую для России и доминирующую по сей день дихотомию: «Мир искони делился на две части – Восток и Запад...» [19. С. 529]. Вместе с тем, апеллируя к обозначенной дихотомии, Чаадаев не отказывается от базовой концепции России как Севера и выдвигает в качестве проблематичной модели смешанную схему, в которой Север оказывается противопоставленным и внеположным как Западу, так и Востоку: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций

ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось...» [19. С. 323].

Фундаментальная трансформация содержания понятия «Север» и «Запад», осуществленная Чаадаевым, заключалась в устранении имплицитно содержащейся в первом связи с Европой. Дезавуируя дихотомию Север/Юг, он, прежде всего, отказывается от использования последнего термина, оставляя за Севером роль внеисторического субъекта. Географическое содержание каким-то образом оказывается связанным с ценностным содержанием: «Мы просто северный народ и по идеям, как и по климату» [19. С. 531].

Наряду с этим, вместо географически детерминированного противопоставления, мыслитель предлагает деление, основанное на принципе формирующейся вокруг религиозных оснований цивилизационной принадлежности. Кажется, что монистической системе исторического развития, вытекающей из идей европоцентризма и научного прогресса, автор пытается противопоставить множественность путей развития [19, С. 333].

В результате переориентирования географическо-цивилизационной дихотомии Чаадаев формулирует трехчастную схему, сторонами которой являются, на первый взгляд, соразмерные Восток, Запад и Север. Но лишь первые две стороны являют собой различные культурно-религиозные облики, в то время как Север оказывается внеположным им обоим и лишенным самостоятельной цивилизационной основы. В отличие от Европы и Азии, Север только приближается к осуществлению своего потенциала.

Обращаясь к истории и оформляющей ее культуре, Чаадаев вовсе избегает центральной для северянства темы генезиса российской государственности. Неслучайно апологетическое сочинение Надеждина, попавшего наряду с Чаадаевым в опалу, начинается именно с обращения к официальной истории российской государственности: «Рюрик положил камень общественного благоустройства на отдаленнейшем севере Европы...» [18. С. 593]. При этом выделение особой значимости возникновения государственности противопоставляется указыванию на негативный природный характер русского народа: «...человек русский, от природы беспечный и тяжелый, живущий всегда на авось, на удачу, не простирающийся в своих предположениях и расчетах дальше ближайшей минуты, соединяющий в себе восточный фатализм с северною ленью...» [20. С. 430].

Подобным образом описание Севера у Чаадаева определяется акцентированием первозданного, не преобразованного ходом истории состояния России. В обозначенной схеме несложно распознать отзвуки данного Т. Гоббсом определения жизни человека в естественном состоянии: «...человеческая жизнь одинока, бедна, груба и коротка» [2. С. 83]. А потому выстраиваемый Чаадаевым параллелизм государства и человека Севера является своеобразной аллюзией естественного состояния человека, характерные черты которого в наибольшей степени соответствует скудному природными благами северному ландшафту.

Но действительное содержание исторических путей Запада и Востока заключается отнюдь не в степени развития государственности, противоположному первоначальному состоянию человека, рационализации обществ или реализации в них научных достижений. Проблема политического устройства в этом контексте обретает функциональную роль, поскольку именно в религиозной составляющей кроется глубина приобщения человека и общества к историческому процессу. Подобно России принадлежащие Северу «...англичане, – собственно говоря, не имеют истории, помимо церковной» [19. С. 336]. По этой причине история Запада неразрывно связана с его центром в Риме, воспринявшим и транслировавшим идею христианства в Европе: «Из Греции цивилизация перешла в Италию, которая, в свою очередь, раскрыла ей двери на запад; позднее она поднялась на север, и оттуда с каждым днем своего путешествия снова приближается к своей колыбели» [20. С. 487]. Противоположным образом, нежели это было в пребывающей в «естественном состоянии» России, западные, т.е. европейские античная философия и средневековое богословие формировались в условиях переизбытка природных даров, произрастающих в комфортном средиземноморском климате.

Стремление к возвышенному, к поиску истины оказывается связанным с возможностью отдаться «...с жаром своим верованиям...» [20. С. 487], как тому способствуют природные условия европейского Юга. В то же время суровый климат Севера является причиной постоянной борьбы за выживание в «безмерном, ужасающем мысль пространстве...» [11. С. 239]; борьба за жизненные блага – таковы были первоначальные условия российской истории, сформировавшие дальнейший характер ее развития. Климатические условия Севера предопределили слабое развитие идеализма и «пренебрежение удобствами и радостями жизни» [19. С. 340], а потому в первые века н.э. он являлся пространством, из которого исходила угроза для европейского христианского Юга [11. С. 331]. Многочисленные народы Севера, прежде всего, германского происхождения, стали непосредственной причиной крушения Римской империи [3. С. 438], восприняв впоследствии идеи государственности, греко-римской культуры и христианства. Но следуя обозначенной Гердером схеме, Чаадаев относит культивированную католическим Римом германскую часть Севера к единой части света – Западу.

Мыслитель отождествляет христианскую цивилизацию и Римскую церковь. Однако в католицизме его более всего привлекает отнюдь не догматические особенности, отличающие его от Византийского православия, но пафос универсализма, ибо цель мироздания не может быть множественной. В качестве фундаментального отличия Византийского православия от Римского католичества, пытается уверить читателя мыслитель, необходимо выделить безучастность первого к проблеме социально-политического освобождения человека. Византийская мораль монашеского подвижничества оказывается бесплодно обращенной к мотивам греховности человеческой природы [19. С. 348]. Но отвергая формалистское христианство Византии, Чаадаев отнюдь не выступает поборником современного ему католичества. Указывая на главенствующую роль

католичества в процессе постепенной политической трансформации и рационализации общества, он в действительности выстраивает основания отвержения современного пути Запада.

Провиденциальная роль «Севера». Интерпретация культурно-исторического положения России Чаадаева представляется внешне схожей с привычным цивилизационным подходом. Формулируя новую цивилизационную модель, мыслитель соединяет ее с доминировавшей на протяжении XVIII столетия дихотомией Север/Юг. В развитии Европы он выделяет две магистральные и неразрывно связанные линии: «латинскую и тевтонскую... южан и северян» [19. С. 327]. Отделяя Россию от Европы и характеризуя обозначенным образом последнюю, мыслитель имплицитно предугадывает концепцию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и развиваемое им противопоставление «романо-германской Европы» [6. С. 380] будущей славянской цивилизации.

Взаимная обособленность Запада и Востока обусловлена различными полаемыми смыслами содержания истории. Взгляд Запада на историю человечества являет собой концепцию линейного развития, возникшую в лоне античной греческой философии и христианской католической мысли. В противоположность ему, религиозная мысль Востока постулирует историю как нечто неизменное и цикличное. Запад и Восток представляют собой Европу и Азию, соответственно, Север же – исключенное, вымороженное из исторического процесса пространство.

Но вместе с тем, указывая на соразмерность и равнозначностью сформировавшихся цивилизаций Запада и Востока, Чаадаев придерживается иной логики исторического процесса, нетождественной ни стадияльному, ни цивилизационному подходам. В то время как стадияльный подход определяется предзаданностью исторического процесса и цели развития, а цивилизационный отсутствием единого объективного критерия оценки исторического движения, в концепции Чаадаева акцентируется абсолютная телеологичность мира, соединенная со свободой процесса ее реализации. Таким образом его метод интерпретации истории, в основании которого покоится христианская философия, следует именовать провиденциальным.

История абсолютная, соответствующая замыслу Бога о мире, сложнейшим образом соотносится с фактической, относительной историей, движение которой представляется совокупностью разнонаправленных и нелинейным образом развивающихся исторических векторов. Именно в этом смысле возможно интерпретировать предельно критичный, но одновременно, и оптимистичный взгляд Чаадаева на историю России.

Не обладающая собственной традицией, Россия едва ли способна породить из себя нечто положительно ценное для уже сформировавшихся цивилизаций. Причина тому заключается в обстоятельствах вступления России в историю, ибо в качестве первоначального импульса они определили дальнейший ход ее развития. Обращаясь к самому себе, Чаадаев имплицитно выстраивает идею параллелизма становления отдельного человека и государства: «Нет ничего важнее

первых испытанных нами впечатлений, первых мыслей, приходящих к нам, когда мы вновь возвращаемся к жизни вслед за подобием смерти, которое разделяет наши дни» [19. С. 341].

Косностью своей истории Россия оказывается обязанной не столько собственному географическому положению, сколько избранному ею религиозному пути – принятию христианства от «растленной Византии» [19. С. 331]. Восприняв православное христианство, Россия наследовала холодную, лишенную гуманистических оснований религиозность, неестественную для европейского, в сущности – южного контекста. Взаимосвязь Запада и Севера, противопоставление Европы и России, уподобляется взаимосвязи тезиса и антитезиса, движения и неподвижности, жизни и смерти, где существование первого соотносится со вторым, предполагая его с внутренней необходимостью: «Над всеми ландшафтами как будто витают зима и смерть; от тусклого света и северного климата все предметы имеют какую-то могильную окраску; поездивши здесь несколько недель, с ужасом чувствуешь, будто ты заживо похоронен...» [13. С. 230].

Интерпретируя вслед за Ф.В. Шеллингом историю в качестве процесса самораскрытия в ней Бога, диалектики постепенно выявляемых в ней противоборствующих сил, Чаадаев вписывает Россию в историософский контекст дихотомии Запада и Севера. По отношению к Европе Россия предстает внеположной, но неразрывно связанной и противостоящей ей альтернативой.

Северу надлежит осуществить еще неизвестный миру исторический урок, который Чаадаев характеризует великим: «...преподать великий урок миру» [19. С. 341]. В том же смысле мыслитель высказывается лишь единожды и в отношении последней книги Нового Завета: «Мысль Апокалипсиса – не что иное, как необъятный урок» [19. С. 451]. Содержание будущего великого урока представляется мыслителю неизвестным, но едва ли положительным по своему содержанию, ибо тому препятствует характер вступления России в историю. Значение этого урока не может быть известным не столько по причине его реализации лишь в будущем, но в виду его особой сущности. Но пример событий начала XX в., заставлявший вспоминать современников революционных процессов в России «пророчество» Чаадаева, убеждает, что содержание урока может быть связано лишь с исключительным опытом, который Россия извлекает и обнаруживает на своем примере [8. С. 365].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. М.: Правда, 1991.
2. Гоббс. Т. Левиафан, или о сущности, форме и власти государства. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1868.
3. Гердер. И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
4. Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908.

5. **Гладышев А.В.** 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М.: Политическая энциклопедия, 2019.
6. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
7. **Жукова О.А.** Творчество Чаадаева и его интерпретация в интеллектуальной культуре серебряного века // *Философский журнал*. 2021. № 1.
8. **Изгоев А.С.** Социализм, культура и большевизм // *Из глубины*. М.: Правда, 1991.
9. **Кара-Мурза А.А.** Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // *Политическая концептология*. 2017. № 3.
10. **Кара-Мурза А.А.** «Северная» идентичность России как предмет цивилизационной самокритики (от Петра Чаадаева до Василия Шульгина) // *Философский журнал*. 2022. № 2.
11. **Козмин Н.Н.** Две статьи Н.И. Надеждина, написанные по поводу «Философического письма» П.Я. Чаадаева // *Русская старина*. Т. 131. Кн. 7-8, 1907.
12. **Кюстин А.** Россия в 1839: в 2 т. Под ред. В. Мильчиной. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашников, 1996.
13. **Кюстин А.** Россия в 1839: в 2 т. Под ред. В. Мильчиной. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашников, 1996.
14. **Лемке М.К.** Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб.: С.В. Бунина, 1909.
15. **Ложкин Е.А.** Концепция «русского северянства» как основание политической философии М.М. Щербатова // *Вопросы политологии*. 2023. № 9-2. Т. 13.
16. **Местр Ж.** Петербургские письма. 1803-1817 / пер. с фр. Д.В. Соловьева. СПб.: Инапресс, 1995. 336 с.
17. **Монтескье Ш.** О духе законов / пер. А. Горнфельда. М.: Рипол классик, 2019. 690 с.
18. **Надеждин Н.И.** Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // *Литературная критика. Эстетика*. М.: Художественная литература, 1972.
19. **Чаадаев П.Я.** Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. М.: Наука, 1991.
20. **Чаадаев П.Я.** Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 2. М.: Наука, 1991.
21. **Чуйко В.В.** Вольтер и Екатерина II. СПб.: изд. В.В. Чуйко, 1882.
22. **Auteroche J.** A journey into Siberia. London.: T. Jefferys, 1770.
23. **Schlözer A.** Allgemeine nordische Geschichte. Halle.: Gebauer, 1771.

E.A. LOZHKIN

Graduate student, junior research fellow,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science
Moscow, Russia

«PHILOSOPHICAL LETTERS» BY P.Y. CHAADAYEV AS A DOCUMENT OF THE «NORTHERNISM»

This article examines the features of P. Y. Chaadaev's view on the civilizational development of Russia. It is argued that in his «Philosophical Letters» the thinker reinterpreted the civilizational dichotomy North/South that prevailed in Russian political and philosophical thought throughout the 18th century. Chaadaev formulates and successfully implements the dichotomy of West and East, which became fundamental for the subsequent Russian intellectual tradition, and constructs an opposition between Russia and Europe, which became a common place in the subsequent polemics between Westernizers and Slavophiles. Combining the concepts of Europe and the West, Asia and the East, the thinker connects and identifies the civilizational space of Russia with the North, which the author depicts as a space devoid of an original basis and external to the West and the East. At the same time, in Chaadaev's historiosophical system, which, in contrast to the civilizational and stadial conceptual views, the author of the article calls providentialist, the opposition of Russia and Europe acquires not an absolute, but in a religious sense a functional, temporary and transient significance in the context of the unfolding of history. Chaadaev's criticism of the identification and historical-political structures that have developed in Russia is realized from the perspective of the northerners themselves, and therefore is a civilizational self-criticism or a method for searching for possible foundations for the historical role of Russia.

Key words: Chaadaev, Russia, political philosophy, identity, northernism, civilization.